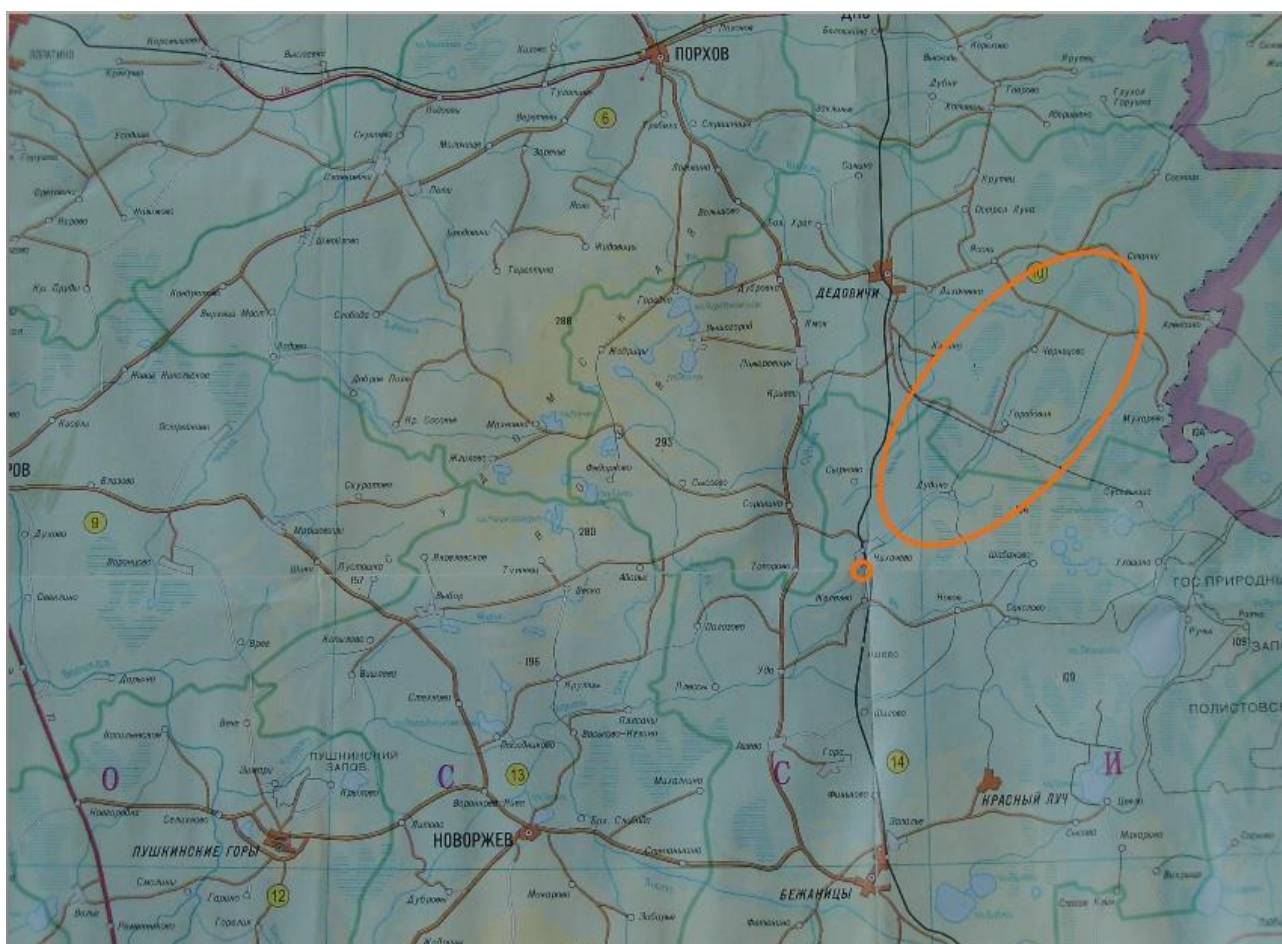

КАК НАШИ МУЖИКИ К ЦАРЮ ХОДИЛИ.

(Крестьянский бунт в Дегожском погосте Порховского уезда в 1826 году)

Первым и самым массовым крестьянским волнением в Порховском уезде Псковской губернии в 1826 г. было восстание, вспыхнувшее в Дегожском (ныне Дедовичский, Бежаницкий районы) погосте в имениях помещиков Адама Ивановича Ноинского и Андрея Богдановича Цез (ныне территория Бежаницкого и Дедовичского районов). В документах, хранящихся в Государственном архиве Псковской области и Российском государственном историческом архиве (г. С.-Петербург) это волнение названо бунтом.

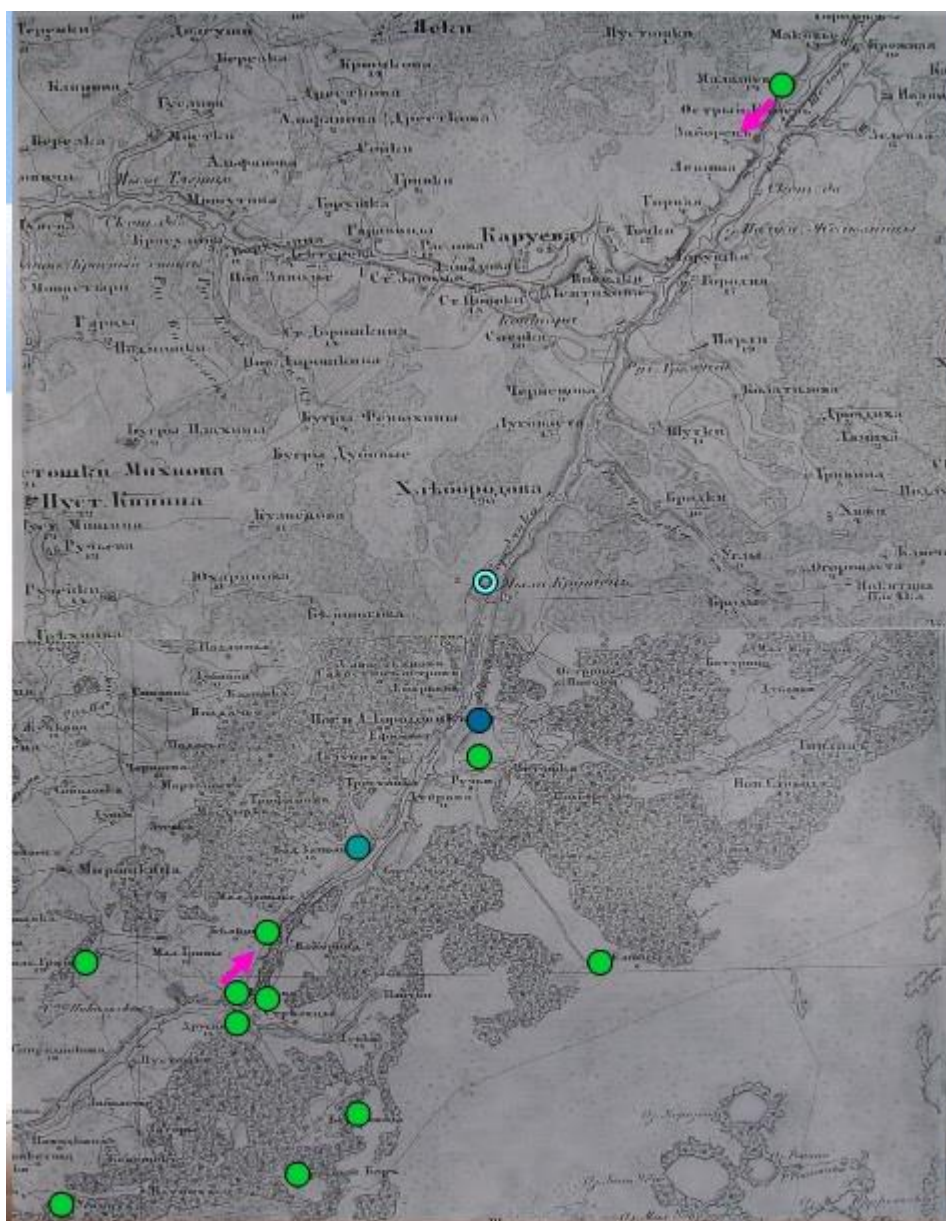

МИКРОРАЙОН БУНТА

Крестьяне помещика Ноинского на сходках решили отправить ходоков к помещику в С.-Петербург с жалобой на управляющего, выбрав представителей от 10 деревень. Имена ходоков: Данила Михайлов 45 лет д. Еловец; Фирс Васильев 55 лет д. Берёзовец; Лифан (Нифант) Матвеев 51 год д. Усаниха; Денис Захаров 53 года д. Бельково; Егор Марков д. Ручьи; Егор Трифанов д. Малышево; Яков Леонов 55 лет д. Большие Гривы; Лука Иванов Капитонов 40 лет д. Стрелицы. На пути в д. Луг ходоки слышали от тамошних крестьян, что те тоже были недовольны своим господином и пожаловались Государю, и по его милости живут теперь хорошо. Намерения ходоки не поменяли — идти к своему господину, но, подходя ближе к Петербургу, почти в каждой деревне слышали, что государь сам принимает просьбы и весьма милостиво. Сомнения развеял Фирс Васильев, заявивший, что в последний раз, находясь в

Петербурге, просил господина о помиловании, но напрасно. Крестьяне решили идти к царю с прошением о защите от притеснений помещика. В своём прошении крестьяне жаловались на увеличение оброка с 30 руб. до 41 руб., на непомерные штрафы, на необходимость работы на барщине — сверх положенного оброка исполняют работы как то: на своих лошадях доставляют для господского дома лес, в село Крутцы. Лён берёт за оброк, который платится исправно. Некоторых отобрал в треплю льна и никакого платежа за это не производит, а если кто не явится по случаю болезни, штрафует. Некоторые разорены полностью. Прошение подал Яков Леонов в присутствии остальных. После этого, оставив Якова Леонова и Луку Иванова ожидать решения, крестьяне отправились домой.

Вернувшись из Петербурга, Леонов и Капитонов сказали, что им велено явиться к 20 февраля. Крестьяне вновь отправились в столицу и, прибыв, подают просьбу на Высочайшее имя, а другую военному генерал-губернатору Кутузову. Кутузов, узнав, что у них нет паспортов, велел их взять и отправить домой. Ходоков к царю не пустили, жалобу отправили псковскому губернатору. Имена крестьян, отправленных в Петербург во 2-ой раз: Кирсан Алексеев 50 лет д. Малышево; Яков Леонов д. Б. Гривы; Лука Иванов д. Стрелицы.

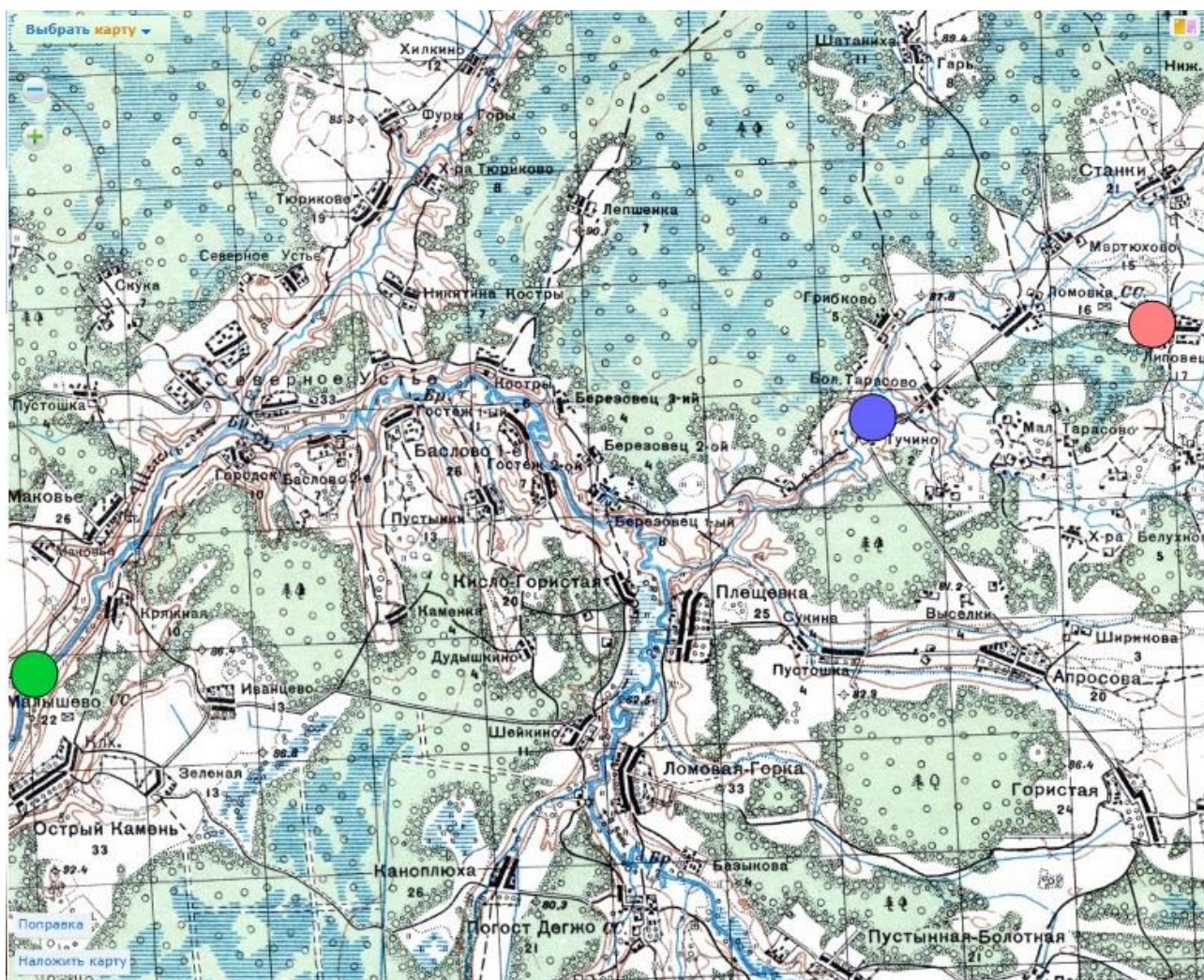
земли Ноинского

От крестьян помещика Цеэ первую просьбу царю подал 22 февраля крестьянин д. Дровяная Евстафий (Остафий) Алексеев. Подписана просьба была: Яковом Ивановым д. Вандырево;

Семёном Степановым д. Роговая; Фёдором Андреевым д. Пустошка. Вторая просьба подана 23 крестьянином Пётром Алексеевым д. Михалёво.

Этими просьбами жаловались, что помещик забрал у них в 1824 г. лён и не отдал денег, Оставшийся у них (непроданным) лён 1825 г. также намерен отобрать. Платят оброк по 30 руб. и подушевых по 11руб.

Вернувшись, ходоки на сходках вели беседы о вольности, о неплатеже повинностей, господского оброка и нехождении на господскую работу. В один из мартовских дней Кирсан Алексеев со своими товарищами отправились из д. Малышева бить контору и выгонять управляющего (с. Крутец), но, не дойдя некоторое расстояние, одумались и послали весть об этом второй «шайке», которая шла с другой стороны в количестве более 100 человек под предводительством Данила Михайлова и Фирса Васильева. Планы поменялись. Крестьяне разошлись.

ИМЕНИЕ ЦЕЗ

Управляющие имениями господ А.И. Ноинского и А.Б. Цез подают в Порховский земский суд объявление о том, что крестьяне вышли из повиновения. На место выезжает судебный заседатель штабс-капитан Култашов с двумя рядовыми инвалидной команды для введения бунтующих в послушание. Култашов отправился в д. Малышево (деревня Ноинского на речке Городянке — П.В.), чтобы допросить Кирсана Алексеева — одного из главных возмутителей к непослушанию и взять под стражу виновных. Прибыв в Малышево, Култашов приказал Алексееву следовать за ним, но мужики крикнули: «Забирайте всех, одного не отдадим». Култашов отступил. Соцкий должен был на следующий день собрать всех троих зачинщиков в д. Б. Заполье, но никто из них не явился, а их сообщники, в количестве около 40 человек,

собрались в д. Дудино (ныне Чихачёвская волость Бежаницкого р-на), где и состоялась встреча дворянского заседателя с бунтующими. Мужики потребовали у него бумагу от государя «в противном случае ежели тебя прислал помещик, не имеющий над нами никакой власти, то мы и тебя кольем проводим». Из рапорта Култашова следует, что крестьяне говорили ругательные слова, при этом крестьянин д. Б. Гривы Яков Леонов размахивал перед окном дубинкой. Другой же собрал в деревне через речку (д. Друсино или д. Стрелицы — П.В.) ещё одну шайку, пропитанных духом вольности крестьян. Они только и ждали сигнала из д. Дудино, чтобы прийти на помощь бунтующим. Мужики были готовы в случае применения силы со стороны власти, дать жестокий отпор. Култашов постарался ласково разъяснить мужикам их заблуждения и последствия, но ничто не помогло. Крестьяне остались в твёрдой уверенности, что им будет дарована свобода. Култашов вызвал в имение не менее 2 батальонов войск, а пока отправился вводить в послушание бунтующих крестьян помещика Цеэ.

Здесь крестьяне собрались в д. Липовец в доме Демида Архипова и, несмотря на неоднократные увещевания со стороны помещика и власти, идти в послушание и повиновение не согласились. Култашов, взяв вблизи расквартированный батальон 3 карабинерного полка Старорусского войска в количестве 50 человек, окружил дом и держал бунтовщиков в осаде с 10 по 13 марта, не давая им пищи. Но и это не привело к послушанию. Бунтовщики не пошли в повиновение своему помещику. Тем временем их товарищи, среди которых были и жёны некоторых из сидящих в запертом доме бунтовщиков (Ирина Антонова, Марфа Иванова, Алексей Петров (сын Петра Алексеева), Иван Яковлев Синицын (д. Вандрево), Николай Карпов (д. Ольховец), Иван Яковлев (д. Перекрасная) и прусский выходец Филипп Изотов), вооружённые чем попало, подожгли стоящий неподалёку сарай с сеном в надежде, что команда отвлечётся на тушение пожара, а осаждённые в это время будут освобождены. Команда своих постов не покинула, и, видя это, бунтовщики выломали изнутри ворота и стали стрелять в команду. Завязалась перестрелка. В результате один солдат ранен в голову, другому зашибли дубиной руку. Из бунтовщиков 6 ранено, 3 сгорело (Иван Мелентьев и Григорий Архипов), 33 переловлены и большое число разбежалось. Из поджигателей один был ранен и 14 марта умер. Это был Семён (Наум) Ефимов из д. Глушков Витебской губернии Себежского уезда (беглый крестьянин помещика князя Агинского. Здесь он промышлял шитьём сапогов). По словам умирающего Ефимова, его подговорил поджечь сарай Алексей Прокофьев, крестьянин д. Михалёво, чтобы освободить внука. Было проведено следствие и организован розыск бежавших бунтовщиков. В ходе следствия бунтовщики показали, что к возмущению были подговорены крестьянами Петром и Остафьем Алексеевыми, и Иваном Мелентьевым. Зачинщиками бунта было разглашено, что помещики Ноинский и Цеэ будут отправлены в Сибирь, а им император изволил обещать вольность.

15 марта псковской гражданской губернатор фон Адеркас пишет министру внутренних дел Ланскому с просьбой приказать Ноинскому, служившему в генеральном штабе, отправиться в селение своё, чтобы лично успокоить крестьян своих, выслушав их жалобы.

Помещик Ноинский купил имение у графини Заводовской (Завадовской) в 1824 г. и сразу стал отстраивать дом, облагая дополнительными поборами своих крепостных. В своём объяснении он писал: на момент покупки имения за крестьянами числилось в мою пользу как хлеб так и денежные сборы. Причину подачи жалобы видел в восстании декабристов, после которого были распушены разные слухи, которые дошли и до вотчины. «Под влиянием этих слухов крестьяне буйного нрава, привыкшие к своеволию, злобствуя на вотчинное управление в свою очередь распустили по вотчине нелепые и возмутительные толки о том, что стоит только подать жалобу на помещика, и они будут вольными. С этим они и отправились в столицу. Вернувшись в имение, они усугубили своеволие и внушали это другим крестьянам. В результате крестьяне перестали повиноваться приказаниям конторы, прекратили вносить оброк, сборы на казённые повинности». Ноинский на каждый пункт жалобы крестьян дал объяснения. Лён предложил сдавать ему в контору на тех же условиях, что и при продаже другим заготовителям. Трепать лён заставлял только тех, которые по лености своей не могли платить оброка, за неявку штраф не накладывался. Денежные штрафы введены вместо

телесного наказания по мере вины и состояния. «Деньги не идут в мою пользу но обращаются в мирской капитал на заведение крестьянской больницы. У крестьян ничего не брал, а напротив, купив имение, потратил более 5000 руб. на покупку лошадей, скота и хлеба для нуждающихся. Летом 1825 г. нанятыми вольными землекопами выкопано 50 вёрст разных каналов для осушения крестьянских полей, за что с крестьян не бралось платы. Управление имением производится конторою по мирским приговорам под надзором управляющего. Никто из крестьян не жаловался на вотчинное управление».

Но из реестра, представленного прокурору управляющим имением Ноинского, видим, что от имени крестьян д. Шутков была подана (никем не подписанная) жалоба помещику на управляющего о том, что он и бургомистр разоряют имение до основания. Ноинский, произведя сам расследование, выяснил, что жалоба подана крестьянином д. Еловца Данилой Михайловым ложно. За ложный и ябеднический поступок — штраф 200р. Интересны и другие штрафы, накладываемые в поместье: за самовольную отлучку в Петербург - 25р; за продажу своего коня без разрешения конторы - 25р.; за допущение к побегу дочерей, назначенных в замужество по распутному поведению - 50р; за несправедливую жалобу в столицу от 10 до 50 рублей. Штрафы действительно достигали нескольких сотен. Например, Фирс Васильев был оштрафован 7 раз на сумму 160 руб. (за самовольную порубку десяти брёвен — 20 руб, за самовольную продажу коровы — 10руб, за неявку в контору и слушание - 25 руб, ещё за 3 слушания по по 25 руб, за самовольную отлучку в С.-Петербург — 25 руб.)

К 16 марта бунтовали крестьяне помещиков Ноинского, Цез, купца Вилль и графини Заводовской. Надо отметить, что до недавнего времени все деревни, охваченные бунтом, принадлежали графини Заводовской — дочери Николая Фёдоровича Апраксина. Между жителями этих деревень была не только соседская, но и родственная связь.

20 марта в с. Крутец прибыл губернатор фон Адеркас. Старосты оповестили крестьян, чтобы хозяин каждого дома явился 21 марта в контору (с. Крутец), где Адеркас планировал беседовать с каждым из них о причине их непослушания. Никто из крестьян не явился. 21 прибыл полковник Герман, присланный от государя императора, чтобы “привести крестьян безусловно в полное повиновение законной власти и их помещикам”. Полковник через старост повторил требование явиться хозяину каждого дома 22 марта в с. Крутец. 22 марта в контору явилось несколько крестьян, а старосты донесли, что крестьяне собираются толпами в дд. Стрелицы, Друсино, Дудино. Затем объединились в д. Стрелицы в количестве 60 человек. Вооружены были ружьями, пиками, дубинами, но узнав, что к ним в деревню идёт две роты солдат, разбегались. Полковник Герман, придя в выше названные деревни, строго приказал явиться 23 марта каждому хозяину в контору. Но и 23 почти никто не явился. Старосты донесли, что крестьяне собираются в выставке Городовик, а в с. Крутец идти не хотят. В Городовик был командирован дворянский заседатель Култашов с жандармом, чтобы потребовать немедленно явиться в контору. Крестьяне подчинились. Но главный бунтовщик крестьянин д. Еловца Данила Михайлов в контору не пошёл, а вернулся домой, взяв с собой сына Фёдора Данилова. Дома они взяли ружья и подались в бега, с ними ушёл второй сын Данилы Иван и брат Архип Михайлов. Крестьян, пришедших в контору, полковник Герман окружил ротою, объявил им высочайшую императорского величества волю, в которой тот повелевал, чтобы крестьяне обратились в повиновение. Главных зачинщиков неповиновения взяли под стражу. А именно: Фирса Васильева, закоренелый старообрядец; Фёдора Дмитриева (д. Бармаково); Егора Трифанова, Лифана Матвеева, Дениса Захарова. Затем полковник Герман внушал крестьянам, чтобы они оставались в полном повиновении законной власти и помещикам, что при малейшемслушании будут строго наказаны. При этом некоторые начали шуметь, переходить с места на место и приказам и увещаниям не подчинялись. В результате их наказали розгами, после чего они раскаялись и обещали быть в полном повиновении. Господин полковник дал старшинам каждой деревни письменный приказ с изложением императорского величества воли, в котором говорилось, что если кто укроет беглых бунтовщиков, то не только он сам, а и вся деревня будут строго наказаны. Запрещалось всякое скопище, а если такое произойдёт, то вся деревня подвергнется строгому

взысканию. После чего крестьян распустили. Были пойманы Данила Михайлов и Иван Данилов.

К сообщникам главных бунтовщиков были отнесены: Устин Васильев, д. Гривы; Митрофан Васильев д. Тетёрки; Семён Фирсов, д. Берёзовцы; Василий Макеев, д. Б. Гривы; Пётр Тимофеев, д. Друсино; Астафий Галактионов, д. Савкино; Лука Антонов, д. Красный Сос; Илья Алексеев, д. Малышева.

В с. Тучино был отправлен инспектор врачебной управы штаба лекарь Всеволодов, который оказал помощь раненым.

24 марта губернатор Адеркас и полковник Герман прибыли в с. Тучино помещика Цеэ. Здесь они допросили раненых. Раненые крестьяне объяснили, что не имеют причин жаловаться на помещика: оброк платят тот же, что и прежней помещице графине Заводовской, что научены к бунту крестьянами господина Ноинского: Д. Михайловым, Ф. Васильевым, К. Алексеевым, что даже к присяге их приводили «не повиноваться и не выдавать и стоять друг за друга», уверяли, что государь обещал им волю, а помещик их и Ноинский будут сосланы в Сибирь. Алексей Прокофьев показал сильнейшее раскаяние и со слезами объявил, что господин их не барин, а настоящий отец, что многие тысячи употребил в пособие их, что сын его родной Пётр Алексеев разбойник, что он по научению крестьян господина Ноинского взбунтовал и их вотчину. Отец проклял сына Петра. 22 марта крестьяне помещика Цеэ вновь жалуются на помещика, указывая на новые притеснения после случая в доме Архипова. Подали жалобу: Иван Митрофанов 55 лет, д. Шепелина и Евстифей Антипов 40 лет д. Размесово.

25 марта все крестьяне господина Цеэ собрались в село и принесли раскаяние и обещали быть в повиновении, называя помещика отцом. Затем часть крестьян была выпорота розгами. По окончании сего весь мир вотчины господина Цеэ и сами наказанные благодарили губернатора за отеческое им наставление, и все были распущены по домам. Так как главные бунтовщики Пётр и Остафий Алексеевы находились в бегах, были предприняты меры к их поимке, 2-е бунтовщиков отправлены в Порхов под суд. «Водворив тишину, спокойствие и повиновение в имении Цеэ», губернатор 29 марта вернулся в имение помещика Ноинского.

Адеркас считал, что «поистине ни один из крестьян господ Ноинского и Цеэ не имеет ни малейшей причины справедливо жаловаться на помещиков». В подтверждение этого была приложена записка об управлении имением Ноинского. Из неё узнаём, что яровые поля засевают, кто чем хочет. Строевой лес на поправку строений крестьяне получают бесплатно по билету из конторы. Дровяного леса рубят сколько хотят. Заведена лавка при конторе, в которой продаются соль, железо, рукавицы, мыло, конопляное масло и прочее. Деньги, выручаемые из лавки г. Ноинский не берёт себе, они остаются в конторе и идут на помощь крестьянам. Крестьяне, платящие оброк, не ходят на барщину, ходят только нерадивые по хозяйству, которые землю имеют, но оброк не платят. Оброчные крестьяне тоже привлекались в господскую работу для вырубки и вывоза брёвен и леса для господского дома, что они и при прежней помещице делали. За срубку господского дома крестьянам уплачено 1000 руб. и 10 четвертей ржи. Булыжный камень возили в господский двор для фундаментов под строение, но за это получали по 5 руб с сажени и все почти возили по доброй воле. Без платы возили булыжник для вала вокруг господского дома для замены деревянного забора - который они должны были всегда строить. Приказано было возить камни под крестьянские дома, но это не затруднительно так как поля усеяны булыжными камнями. Здесь двойная польза: поля очищаются и дома прочнее будут. Возили камни для замены деревянных мостов каменными. Камня у дорог во множестве, и работа эта нетрудная. Мосты долго служить будут. Некоторые жаловались, что заставляли их дорогу делать. Это справедливо: от деревни до деревни сделаны новые дороги. Со своей стороны Цеэ объяснял что, купив имение, дал 2500 руб на покупку лошадей и семян, уступил оброчную недоимку. Вырыл каналов более 15 сажень, построил водяную мельницу.

Решением Порховского уездного суда от 19 мая 1826 г. Данила Михайлов, Фирс Васильев, Кирсан Алексеев, Яков Леонов Костыгов, Лука Иванов Капитонов и Денис Захаров обличались в возмущении одновотчинников, в подговоре к неповиновению своему начальству и

приговорены к публичному наказанию плетьюми, в селе Крутец при собрании народа и из соседних вотчин, чтобы держать крестьян в страхе и чтобы поступки наказанных не были примером для прочих. После наказания сослать всех шестерых в Сибирь.

Псковская уголовная палата 2.11.1826 г. внесла некоторые изменения в решение порховского уездного суда. К этому времени Ф. Васильев и Д. Михайлов умерли в порховском тюремном остроге. На допросах Остафий Алексеев показал, что когда ходили в Петербург для подачи просьбы государю императору, то ночевали 2 ночи в тамошнем губернском правлении у сторожа Романа, где неизвестный приказной за 10 руб. написал им просьбу. Палата постановила: Д. Захарова, К. Алексеева, Я. Костыгова, Л. Капитонова, Фёдора Дмитриева, Л. Матвеева наказать плетьюми, дав каждому по 30 ударов и сослать в Сибирь. Фёдора Данилова и Архипа Михайлова судить особо по поимке их.

Сочинителя просьбы, по открытии его, подвергнуть следствию и суду. Петра Алексеева высечь кнутом и отправить на каторгу навечно, Остафия Алексеева высечь плетьюми и вернуть в вотчину, если помещик согласен его взять. В противном случае сослать на поселение в Сибирь.

Николай I держал руку на пульсе. Прочтя отчёты о бунте, он приказал суд произвести безотлагательно, но приговор не мог быть приведён в исполнение без его высочайшего утверждения. Ноинский, боясь послабления для взбунтовавшихся крестьян, обращается к Ланскому с просьбой исходатайствовать у императора высочайшую волю, чтобы 6 крестьян его для ограждения имения от новых беспокойств сосланы были в Сибирь, так как крестьяне не просто вышли из повиновения властям, а занялись разбоем — подговорённые ими крестьяне Цез стреляли в воинскую команду и подожгли сарай.

Департамент полиции оставил приговор без изменения.

источники

ГАПО Ф. 20 О. 1 Д. 745

ГАПО Ф. 370 О. 1 Д. 82

РГИА Ф.1286 Оп. 4 1826 г. Д. 329